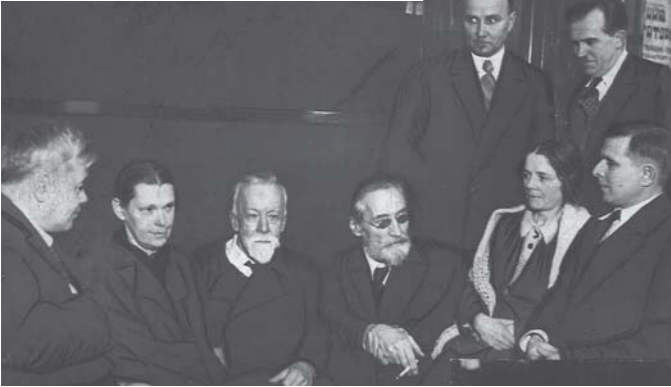

Профессора и преподаватели института А.И. Герцена нашего госпиталя провели более 200 лекций и бесед: профессора Е.И. Петрова, Н.П. Андреев, В.А. Десницкий, доценты Л.С. Троицкий, Н.Р. Кановыкин, Н.П. Моденская

Инструктор Обкома ВКП(б) В.П. Пичугина в течение восьми месяцев провела большую общественную работу (вторая слева в верхнем ряду)

называемой молотовской группы старших по возрасту уважаемых профессоров и преподавателей (14 герценовцев с их семьями).

19 марта 1942 года по покрытой полыньями Дороге жизни был эвакуирован основной состав преподавателей и студентов; их направили на Северный Кавказ в Кисловодск. Эвакуация из Ленинграда продолжалась до лета 1942 года. Из блокадного города было вывезено около 3 тысячи студентов, аспирантов, сотрудников и членов их семей. После мартовской эвакуации учебный процесс в ЛГПИ им. А.И. Герцена был временно прерван. В Ленинграде осталась небольшая группа сотрудников, для наблюдения за хозяйством института.

С этого времени, в течение двух с половиной лет, ЛГПИ им. А.И. Герцена оказывается разделенным на две части. Основная группа преподавателей и студентов, сумевшая сохранить костяк вуза, добралась до уральского Кыштыма. Этот маленький городок стал местом пребывания ЛГПИ вплоть до лета 1944 года. Осенью 1943-го филиал ЛГПИ им. А.И. Герцена стал одним из первых вузов, объявивших о наборе студентов; он успешно провёл блокадный набор и 15 октября начал учебные занятия. Этот день остался в памяти герценовцев как один из самых светлых. В их сознании возрождение родного вуза стало предвестником победы и скорого конца проклятого врага. Часть жизни, оказавшаяся

значительно больше иных её отрезков. Трудности заставляли коллектив ЛГПИ им. А.И. Герцена стремительно восстанавливать свою довоенную структуру, и уже в первые послевоенные годы его роль резко возрасла в подготовке научно-педагогических кадров, вуз активно включился в образовательную деятельность.

День 27 января — это вечное напоминание, прикосновение к подвигу, совершенному ленинградцами. Ведь даже читая об этом, хочется быть мужественнее, светлее, добрее, стать такими, какими встают перед нами со страниц истории героини-герценовцы.

Фото из фондов
Музея РГПУ им. А.И. Герцена

Медсестра читает бойцам письмо, присланное с подарками

- По городу несется вой сирен - воздушная тревога. Люди сидят спокойно, декан продолжает свою речь. Он поздравляет нас с окончанием учёбы и присвоением звания преподавателя средней школы. Декан говорил о трудностях во всей стране, объятой войной, о тяжких испытаниях, выпавших на долю ленинградцев. Чтобы выжить, мы должны сохранять выдержку и спокойствие, уверенность в скором избавлении от блокады...

«Блокадный дневник»
Н.К. Дятловой, выпускницы
ЛГПИ им. А.И. Герцена
1941 года

Две победы

«Давайте делать людям добро!»

Софья Михайловна Друзь (в девичестве Хазанова) родилась в Могилёвской губернии, в Белоруссии. После окончания школы она твердо решила стать учительницей и успешно поступила в Ленинградский государственный педагогический институт им. А.И. Герцена.

22 июня 1941 года юная студентка ЛГПИ им. А.И. Герцена Сонечка Хазанова сидела с учебником в Летнем саду и старательно готовилась к госэкзаменам. В университете уже прошло распределение, и Сонечка знала, что после получения диплома она должна отправиться в Петрозаводск, преподавать в средней школе.

— Но вдруг началась какая-то суета... Все люди побежали к репродукторам... Голос диктора объявил о вторжении немецких войск на территорию Советского Союза и начале Великой Отечественной войны. Таким образом война для меня началась в Летнем саду, — вспоминает Софья Михайловна; — надо признать, что в воздухе уже давно пахло бедой, и мы, будучи студентами, без отрыва от учёбы прошли курсы медсестёр.

23 июня я сдала все экзамены и в этот же день была мобилизована. Отец тогда работал на заводе по изготовлению специального жаропрочного кирпича для доменных печей, и родителей эвакуировали вместе с заводом в Первоуральск. Предлагали уехать вместе с ними, но я была мобилизована в армию и поступила как ответственный товарищ — осталась в Ленинграде. В течение 24 часов по приказу начальника развернули Госпиталь № 2011 на Кировском проспекте, в бывшем Александровском лицее. Так я стала старшей сестрой хирургического отделения — помимо ухода за больными ассистировала на операциях. Раненые начали поступать уже на следующий день, тогда же начались и сложности.

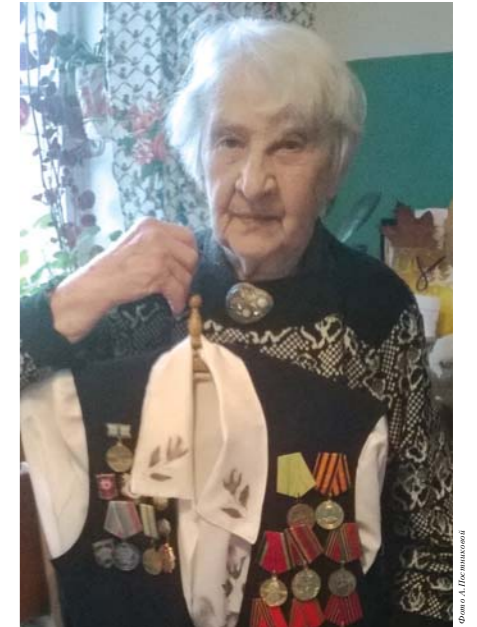
Пришла зима с сорокоградусными морозами. Не было света, тепла, не работал водопровод. Мы стирали бинты в снегу, так как воду приходилось постоянно экономить. Но самым тяжким испытанием был, конечно, голод. Когда сгорели Бадаевские склады, стало совсем туго. Медперсоналу выдавали по 150 грамм хлеба в сутки и ложку жидкой чечевичной каши. А труд медсестёр и врачей был нечеловечес-

ким. Во время воздушных тревог мы, двадцатилетние девчонки, спускали всех раненых в подвал на носилках, а после отбоя тревоги разносили обратно по койкам. И так по три-четыре раза в сутки. Однажды бомба попала прямо во внутренний двор больницы. В корпусе выбило стёкла, несколько врачей были контужены.

— Какой эпизод Вашей работы в госпитале наиболее Вам запомнился?

— Я расскажу вам такую историю. Однажды к нам привезли 22-летнего парня Ивана Мачульского, родом из Белоруссии. Прямо перед ним разорвалась мина, травмы были соответствующие этому случаю — повреждены нога и рука, слепота на оба глаза. Ночью, делая обход, я увидела Ивана на полу. Подойдя ближе, я разглядела петлю из полотенца на его шее — Иван хотел покончить с собой. Но не смог — я подросла вовремя. Он, конечно, расплакался, стал говорить, что таким уже никому не нужен. Ослепнуть в 22 года — это, несомненно, большая трагедия, но каждый день на фронте гибли наши бойцы, и они уже не могли вернуться домой, ни безногими, ни слепыми. Именно об этом я сказала Ивану, и мы ещё долго с ним проговорили. Я установила дежурство возле койки бойца, чтобы не было соблазна повторить попытку. После выяснилось, что в Иваново у Мачульского есть невеста, которую зовут так же, как и меня — Соня. Написать ей солдат не решилась, а я решила немного помочь — связалась с Соней сама, описав в письме всё, как было. Девушка приехала за своим возлюбленным и забрала его из госпиталя.

Много лет спустя, в 1967 году, на Петроградской стороне Санкт-Петербурга я читала газету, посвященную 50-летию Октябрьской социалистической революции — большому советскому празднику. И увидела статью о награждении Ивана Петровича Мачульского орденом Тру-

дового Красного Знамени. Конечно, я решила сразу связаться с бывшим пациентом. Мой муж — военный, капитан 2-го ранга, быстро узнал телефон, и я позвонила. Лишь услышав моё: «Алло!», боец узнал: «Сестра Соня!» Оказалось, что Иван с семьёй жили прямо рядом с нами, на Петроградской. Мы тут же направились к ним в гости. Выяснилось, что у Ивана родилось двое детей, а работает он главным инженером на заводе, где трудились также другие незрячие. Инициатором приёма их на работу был Мачульский. Он стал президентом Всероссийского общества слепых и помог ещё тысячам незрячих людей.

— Как для Вас война закончилась?

— Для меня было две победы. Одна — 27 января 1943 года, день, когда блокадное кольцо было прорвано. Не зря мы ждали и верили — это была великая радость. Когда весной по радио объявили о победе Советского Союза и конце войны, я была в госпитале. Все раненые, даже те, кто с трудом мог стоять, вскочили с кроватей, и по госпиталю разнеслись крики: «Ура! Победа!». Такие моменты не забываются.

— Что помогло держаться в самые тяжёлые моменты?

— Помогала непоколебимая вера в победу — каждый твёрдо знал, что мы обязательно выстоим и это всё кончится. Но всё же главным мотиватором была и остаётся доброта. То чувство ответственности за ближнего, бескорыстное внимание друг другу, которое проявляли люди во время блокады, сплотили народ и помогли выжить. Доброта помогает выжить и сегодня, это осталось неизменным. Поэтому давайте делать людям добро.